



Хилари Мантел
Внесите тела
Серия «Вулфхолл», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714137
Мантел, Хилари Внесите тела : [роман; пер.с англ.] : АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-079113-2

Аннотация

Генрих VIII Тюдор, король Англии, потратил долгие годы, чтобы покорить Анну Болейн, порвал с католической церковью, пошел на интриги, подлости и преступления ради женитьбы на ней.

Но страсть мужчины преходяща, а Анна так и не сумела подарить Генриху и Англии долгожданного наследника. Более того, острый ум супруги раздражает тщеславного Генриха, а ее независимость в решениях отвращает от трона многих старых друзей монарха.

Могущественный придворный Томас Кромвель, один из самых умных, подлых и беспринципных людей своей эпохи, намерен исполнить приказ Генриха и любой ценой избавиться от Анны. Однако погубить Болейнов будет не так-то просто...

Содержание

| | |
|-----------------------------------|----|
| Действующие лица | 5 |
| Часть первая | 8 |
| I | 8 |
| II | 22 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 57 |
| Комментарии | 58 |

Хилари Мантел

Внесите тела

Серия «Booker Prize»

Mantel Hilary

BRING UP THE BODIES

Печатается с разрешения автора и литературных агентств AM Heath & Co Ltd. и Andrew Nurnberg.

© Mantel Hilary, 2013

Школа перевода В. Баканова, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Действующие лица

Дом Кромвеля

Томас Кромвель, сын кузнеца, ныне государственный секретарь, начальник судебных архивов, почетный ректор Кембриджского университета, викарий короля по делам англиканской церкви.

Грегори Кромвель, его сын.

Ричард Кромвель, его племянник.

Рейф Сэдлер, его старший письмоводитель, которого Кромвель воспитал как сына.

Хелен, красавица жена Рейфа.

Томас Авери, его домашний счетовод.

Терстон, его главный повар.

Кристоф, слуга.

Дик Персер, псарь.

Антони, шут.

Покойники

Томас Вулси, кардинал, папский легат, лорд-канцлер; смещен с должности, взят под стражу и скончался в 1530 г.

Джон Фишер, епископ Рочестерский, казнен в 1535 г.

Томас Мор, лорд-канцлер, сменивший на этом посту Вулси, казнен в 1535 г.

Элизабет, Энн и Грейс Кромвель, жена и дочери Томаса Кромвеля, умершие в 1527–1528 гг., Кэтрин Уильямс и Элизабет Уэллифед, его сестры.

Семья короля

Генрих VIII.

Анна Болейн, его вторая жена.

Елизавета, малолетняя дочь Анны, наследница престола.

Генри Фицрой, герцог Ричмондский, незаконный сын короля.

Другая семья короля

Екатерина Арагонская, разведенная первая жена Генриха, живет под домашним арестом в Кимболтоне.

Мария, дочь Генриха от Екатерины, возможная наследница престола, также содержится под домашним арестом.

Мария де Салинас, бывшая фрейлина Екатерины Арагонской.

Сэр Эдмунд Бедингфилд, дворянин, приставленный надзирать за Екатериной.

Грейс, его жена.

Семейства Говардов и Болейнов

Томас Говард, герцог Норфолкский, дядя королевы, старший из пэров Англии, яростный ненавистник Кромвеля.

Генри Говард, граф Суррейский, его младший сын.

Томас Болейн, граф Уилтширский, отец королевы, «монсеньор».

Джордж Болейн, лорд Рочфорд, брат королевы.

Джейн, леди Рочфорд, жена Джорджа.

Мэри Шелтон, двоюродная сестра королевы.

И за сценой: Мэри Болейн, сестра королевы; сейчас она замужем и живет в провинции, но прежде была любовницей короля.

Семейство Сеймуров в Вулфхолле (Волчьем зале)

Старый сэр Джон, опозоривший себя связью с невесткой.

Леди Марджери, его жена.

Эдвард Сеймур, его старший сын.

Томас Сеймур, его младший сын.

Джейн Сеймур, его дочь, фрейлина обеих королей Генриха.

Бесс Сеймур, ее сестра; жена, затем вдова сэра Антони Отреда, губернатора острова Джерси.

Придворные

Чарльз Брэндон, герцог Суффолкский, муж покойной сестры Генриха VIII Марии, пэр Англии, наделенный ограниченным умом.

Томас Уайетт, джентльмен, наделенный безграничным умом, друг Кромвеля, по уверениям молвы – любовник Анны Болейн.

Гарри Перси, граф Нортумберлендский, больной и запутавшийся в долгах молодой джентльмен; был некогда обручен с Анной.

Фрэнсис Брайан по прозвищу Наместник Сатаны, связанный родством и с Болейнами, и с Сеймурами.

Николас Кэрю, шталмейстер, враг Болейнов.

Уильям Фицуильям, казначей, также враг Болейнов.

Генри Норрис по прозвищу Добрый Норрис, главный из джентльменов, состоящих при короле.

Фрэнсис Уэстон, дерзкий молодой джентльмен.

Уильям Бертон, вздорный пожилой джентльмен.

Марк Смитон, подозрительно хорошо одетый музыкант.

Элизабет, леди Вустер, фрейлина Анны Болейн.

Ганс Гольбейн, живописец.

Церковники

Томас Кранмер, архиепископ Кентерберийский, друг Кромвеля.

Стивен Гардинер, епископ Винчестерский, враг Кромвеля.

Ричард Сэмпсон, поверенный короля в матримониальных делах.

Государственные чиновники

Томас Ризли, прозванный Зовите-Меня-Ризли, хранитель личной королевской печати.
Ричард Рич, генеральный адвокат.
Томас Одли, лорд-канцлер.

Послы

Эсташ Шапюи, посол императора Карла V.
Жан де Дентвиль, посол Франциска I.

Реформаты

Хемфри Монмаут, богатый купец, друг Кромвеля, сочувствующий евангелистам, покровитель Уильяма Тиндейла, переводчика, сейчас находящегося в тюрьме в Нидерландах.

Роберт Пакингтон, купец, придерживающийся сходных взглядов.
Стивен Воэн, антверпенский купец, друг и агент Кромвеля.

«Старые» семейства, претендующие на трон

Маргарет Пол, племянница Эдуарда IV, сторонница Екатерины Арагонской и принцессы Марии.

Генри, лорд Монтегю, ее сын.
Генри Куртенэ, маркиз Эксетерский.
Гертруда, его честолюбивая жена.

В Лондонском Тауэре

Сэр Уильям Кингстон, комендант.
Леди Кингстон, его жена.
Эдмунд Уолсингем, его заместитель.
Леди Шелтон, тетка Анны Болейн.
Палач-француз.

Часть первая

*«Чем я хуже других мужчин? Чем? Скажите, чем?»
Генрих VIII – Эсташу Шапюи, послу Священной Римской империи.*

I Соколы

Уилтшир, сентябрь 1535 г.

Его дети падают с неба. Он наблюдает, сидя на лошади, за ним – акры и акры английской земли. Падают камнем, златокрылые, глаза их налиты кровью. Грейс Кромвель зависла в воздухе. Бесшумно она настигает жертву, бесшумно возвращается к нему на руку. Однако звуки, с которыми она устраивается на перчатке – шорох и скрип оперения, тихий горловой клеток, – все это звуки узнавания, домашние, дочерние, почти привередливые. Грудка у нее забрызгана кровью, на когтях – клоки мяса.

Позже Генрих скажет: «Сегодня ваши девочки летали отлично». Сокол Энн Кромвель на перчатке у Рейфа Сэдлера покачивается в такт конскому шагу. Рейф и король едут рядом, непринужденно беседуя. Все устали; солнце клонится к закату, они, отпустив поводья, возвращаются в Вулфхолл. Завтра в небо взмоют его жена и сестры. Женщины, чьи кости гниют в лондонском суглинке, обрели новое тело. Невесомые, они плывут в воздушных потоках. Им неведома жалость. Неведом долг. Их жизнь проста. Глядя вниз, они видят только добычу да заемные плюмажи охотников, видят трепетный порхающий мир, мир, полный еды.

Все лето было таким – вакханалия крови, летящие пух и перья, собачий лай; лошадям – скребницы и щетки, джентльменам – примочки и мази на ушибы, потертости, растяжения. И, пусть всего несколько дней, Генрих купался в солнце. Иногда, ближе к вечеру, с запада налетали тучи, и большие благоуханные капли касались разгоряченных лиц, однако солнце тут же проглядывало вновь и начинало палить нещадно. А сейчас небо такое ясное, что можно подглядывать за святыми в раю.

Они бросают поводья конюхам и спешиваются. Его мысли уже в бумагах – в депешах, доставленных из Уайтхолла курьерской почтой; куда бы ни переехал двор, она работает исправно, по всему пути из Лондона учреждены подставы. За ужином с Сеймурами он вытерпит все, о чем будут вещать хозяева, все, что придет на ум королю, счастливому, взъерошенному, добродушному, как сейчас. Когда король удалится спать, наступит его рабочая ночь.

Вечереет, но Генрих не торопится заходить в дом: стоит, смотрит по сторонам, вбирает ноздрями конский пот; лоб обгорел на солнце. В начале дня король потерял шляпу и не пожалел взять взамен чужую, так что и другим охотникам пришлось обнажить голову. В сумерках слуги будут рыскать по лесам и полям, высматривать колыхание черного плюмажа в темнеющей траве, золотой блеск охотничьей кокарды: святого Губерта с глазами-сапфирами.

Осень уже в воздухе, чувствуется, что таких деньков осталось наперечет. Постоим же среди мельтешения вульфхоллских грумов (рука короля лежит у него на плече), постоим, глядя на земли западных графств в синей вечерней дымке. Король вспоминает прошедший день, и в разговоре время бежит вспять: мимо рощ и ручьев к ольшанику у реки, к утреннему туману, который растаял в девять, к недолгому ливню, к душному полуденному зною.

– А вы ничуть не обгорели, сэръ! – удивляется Рейф Сэдлер. Рейф, рыжий, как и король, сейчас весь малиновый в бурую крапинку веснушек, даже глаза как будто покраснели.

Он, Томас Кромвель, пожимает плечами и, приобняв Рейфа, вслед за Генрихом входит в дом. Он прошел всю Италию – не только полумрак банковских домов, но и поля сражений, – не утратив лондонской бледности; даже в детстве, гоняя дни напролет с разбойной ватагой мальчишек, сохранял младенческую белизну.

– У Кромвеля лилейная кожа, – объявляет король, – и в этом его единственное сходство с каким бы то ни было цветком.

Подтрунивая над ним, они направляются к столу.

Король уехал из Лондона в ту неделю, когда казнили Томаса Мора. Стоял холодный дождливый июль, лошади месили копытами мокрую грязь. Кое-как добрались до Виндзора, оттуда дали круг по западным графствам. Помощники Кромвеля, завершив дела в окрестностях Лондона, нагнали королевский поезд во второй половине августа. Король и его спутники спали здоровым сном в новых домах розового кирпича, в старых домах за руинами укреплений, разрушенных временем и людьми, в сказочных замках-игрушках, построенных без мысли об обороне – их стены пушечное ядро пройдет, как бумагу. Англия уже пятьдесят лет не знает междоусобной войны. Это тюдоровский завет – обетование мира. Каждый хозяин именина желает угодить королю. За последние недели мы навидались непросохшей лепнины, лихорадочной работы по камню: все спешат добавить к своим эмблемам розу Тюдоров, истребить любые следы Екатерины, бывшей королевы. Сбивают молотками арагонские гранаты, тесно прижатые косточки между двумя половинками лопнувшей кожуры, на их месте, если нет времени на новую резьбу, грубо малюют соколов Анны Болейн.

Ганс присоединился к королевскому кортежу и нарисовал Анну-королеву, но та осталась недовольна наброском – ей теперь ничем не потрафишь. Нарисовал Рейфа Сэдлера с аккуратной бородкой и твердым ртом, в нелепой модной шапчонке на коротко остриженных волосах – она сидит набекрень и как будто вот-вот свалится.

– Сделайте мне нос попрямее, мастер Гольбеин, – просит Рейф, а Ганс отвечает: «Да где ж мне выправлять носы, мастер Сэдлер, я разве врач?»

– Рейф сломал нос мальчонкой, упражняясь в турнирном искусстве. Я еле выхватил его из-под лошадиных копыт. Ну и слез тогда было! – Он стискивает юноше плечо. – Не горюй, Рейф, по-моему, ты вышел красавцем. Вспомни, что Ганс сделал со мной!

Томасу Кромвелю сейчас лет пятьдесят. У него тело работника, кряжистое, ладное, полнеющее. В черных волосах пробивается седина; из-за белой кожи, которую не берет загар, врут, будто его отец был ирландец, хотя на самом деле Уолтер Кромвель был кузнец и пивовар в Патни, а еще стригаль, шаромыжник, в каждой бочке затычка, буян и задира, пьяница и дебошир, которого постоянно таскали к мировому судье за то, что он кого-то отдубасил, кого-то надул. Как сын такого человека добился нынешнего влияния – загадка для всей Европы. Одни говорят, он возвысился вместе с Болейнами, родственниками королевы. Другие – что Кромвель всем обязан своему покровителю, покойному кардиналу Вулси, у которого был доверенным лицом. Третьи уверяют, что он знает с чернокнижниками. Юность его прошла на чужбине, он был наемным солдатом, торговцем, банкиром. Никто не знает, где Кромвель побывал и с кем водил знакомство, а тот не спешит рассказывать. Он не щадит сил на королевской службе, знает себе цену и не упустит вознаграждения, будь то должности, привилегии, земли, усадьбы или дома. У него найдется подход к любому, целый арсенал средств: лесть и угрозы, подкуп и убеждение. Людям можно объяснить, в чем их истинный интерес, раскрыть глаза на такое, чего они о себе не знают. Всякий день королевский секретарь ведет дела с вельможами, которые, будь их воля, прихлопнули бы его, как муху. Зная это, он неизменно учтив, неизменно спокоен, неизменно усерден в делах Англии. Не в его

обычае обсуждать свои достижения, но когда бы удача ни посетила его жилище, он всегда на чеку и готов распахнуть дверь на первый же робкий стук.

В его лондонском доме портрет глядит со стены, темные замыслы упрятаны под сукном и мехом, рука сомкнулась на документе, как будто душит. Ганс тогда задвинул его столом, чтобы не сбежал, и предупредил: Томас, чур, не смеяться. Так и проходили сеансы: Ганс работал, мурлыча себе под нос, он яростно смотрел в пустоту. Увидев готовый портрет, он сказал: «Боже, я похож на убийцу», а его сын Грегори удивился: «Ты разве не знал?» Сейчас снимают копии – для друзей и для приверженцев из числа немецких евангелистов. Оригинал он не отдаст даже на время – привык я к нему, мол, – так что теперь, входя в дом, видит себя на разных стадиях становления: общие контуры, кое-где – подмалевок. С чего начинать Кромвеля? Одни начинают с маленьких пристальных глаз, другие – с шапочки. Третьи, избегая важного, пишут его печати и ножницы, четвертые выбирают кольцо с бирюзой, подарок кардинала. С чего бы они ни начали, общий итог один: если вы этому человеку досадили, лучше не встречаться с ним в темном переулке. Его отец Уолтер говаривал: «На моего Томаса косо не глянь – глаз выбьет. Подставишь ему ногу – останешься без ноги. А если его не злить, он форменный джентльмен. И стаканчиком завсегда угостит».

Ганс рисовал короля, благодушного, в летних шелках, за ужином: окна распахнуты вечерним ароматам и птичьим трелям, слуги вносят свечи и засахаренные фрукты. На каждом этапе пути Генрих останавливался в самом большом имении, и Анна-королева с ним, свита находила кров у местных дворян. По обычаю хозяева большого поместья хотя бы раз устраивают праздник для всех, приютивших у себя свиту. Это дорого и хлопотно. Он считал телеги с провизией, видел переполох на кухнях, сам вставал в серо-зеленый предрассветный час, когда печи вычищают, готовясь убрать в них первую партию хлебов, туши насаживают на вертела, котлы вешают на треноги, птицу ощипывают и разделявают. Его дядя служил поваром в резиденции архиепископа, мальчишкой он помогал в кухне Ламбетского дворца, о тонкостях ремесла знает не понаслышке. Когда речь об удобствах короля, за всем нужен глаз.

Эти дни превосходны. Каждая ягодка в колючей изгороди озарена и мерцает по краям. Каждый лист на дереве; солнце за ветвями висит золотым персиком. Мы спускались в зеленые урочища и въезжали на холмы, где в воздухе даже за два графства ощущается тревожная близость моря. В этих краях от наших предков-великанов остались земляные валы, рвы, вкопанные стоячие камни. В жилах каждого из нас, каждого англичанина и англичанки, есть капля их крови. В те давние времена, на земле, не тронутой овцами и плугом, они охотились на лося и дикого кабана. Лес тянулся на долгие дни пути. Иногда здесь откапывают орудия: двуручные топоры, одним ударом рассекавшие коня и всадника. Думай о мертвых исполинах, что ворочаются в этой земле. Имя им – война, и они ждут своего часа. Не только о прошлом ты думаешь, скача на запад в самый разгар лета, но и о том, что спит под травой, что зреет. Грядущие войны, скорби и смерть – все их, как семена, бережно хранит английская почва. Глядя, как Генрих смеется, как молится, как скачет в окружении свиты лесной дорогой, недолго решить, что на троне тот сидит так же крепко, как и в седле. Видимость обманчива. По ночам король не может уснуть, смотрит на резные стропила, считает свои дни. Спрашивает: «Кромвель, Кромвель, что мне делать?» Кромвель, спаси меня от императора. Кромвель, спаси меня от Папы. Потом зовет своего архиепископа Кентерберийского, Томаса Кранмера, и вопрошает: «Проклята ли моя душа?»

В Лондоне императорский посол Эсташ Шапюи каждый день ждет вестей, что английский народ взбунтовался против короля-самодура, спит и видит, как это произошло, не жалеет ни денег, ни сил, чтоб мечта претворилась в явь. Император Карл владеет Испанией, Нидерландами и заморскими колониями; Карл богат и по временам злится, что Генрих Тюдор променял его тетку Екатерину на Анну, которую в народе зовут пучеглазой шлюхой. Шапюи призывает императора вторгнуться в Англию, поддержать английских бунтовщиков,

смутьянов и самозванцев, захватить безбожный остров, где король парламентским биллем развелся с женой и объявил себя Богом. Папе не по душе, что в Англии его высмеивают, называют «епископом Римским», что церковные доходы идут не ему, а Генриху. Булла об отлучении, составленная, но не провозглашенная, висит над Генрихом дамочным мечом, превращает его в изгоя среди других христианских королей Европы – их настоятельно зовут пересечь Ла-Манш или шотландскую границу и прибрать к рукам, что глянется. Может, на папский призыв откликнется император. Может, французский король. Может, они оба. Хотелось бы сказать, что мы готовы их встретить, да только это не так. В случае вторжения нам придется выкопать кости великанов и лупить ими противника по башке. У нас не хватает пушек, не хватает пороха, не хватает стали. Вины Томаса Кромвеля тут нет; как говорит, кривясь, Шапюи, королевство Генриха было бы куда прочнее, назначь тот Кромвеля секретарем лет на пять раньше.

Если оборонять Англию – а он сам выйдет сражаться с мечом в руке, – то надо знать, что такое Англия. В августовский зной он стоит перед резными надгробиями предков, мужей, закованных в броню с головы до пят; их руки в латных рукавицах сложены на груди, ноги, одетые в сталь, покоятся на львах, грифонах, борзых. Каменные мужчины, стальные мужчины, их жены рядом – словно улитки в скорлупе. Мы думаем, время не властно над мертвецами, но время властно над изваяниями мертвецов: кого-то из них сделало беспальмым, кого-то – безносым. Крохотная отколотая нога (от коленапреклоненного херувима?) застряла в каменной драпировке, на резной подушке лежит кончик большого пальца. «Надо будет на следующий год подновить предков», – говорят лорды западных графств, но их-то щитодержатели и геральдические фигуры, эмблемы и девизы всегда блещут свежей краской. Западные лорды кичатся прошлым своего рода: в этих латах мой пращур сражался при Азенкуре, эту чашу мой прапрадед получил из рук самого Джона Гонта. В войнах между Ланкастерами и Йорками их деды и отцы встали не на ту сторону, так что о недавних событиях лорды предпочитают помалкивать. Поколение спустя обиды будут забыты, слава восстановлена – только так Англия может идти вперед, не тонуть в грязи прошлого.

У него, разумеется, нет предков, по крайней мере таких, какими можно кичиться. Был некогда дворянский род Кромвелей, и герольдмейстеры убеждали его для приличия взять их герб; я не из тех Кромвелей, вежливо отвечал он, мне не нужны их девизы. Он сбежал от отцовских побоев пятнадцати лет от роду, пересек Ла-Манш, нанялся в войско французского короля – если дерешься с тех пор, как научился ходить, почему бы не делать это за деньги? Впрочем, есть ремесла поприбыльнее солдатского – он их нашел и решил не спешить на родину.

А теперь, когда титулованные хозяева дома спрашивают совета, где лучше поставить фонтан или трех граций, король отвечает, спросите Кромвеля, он знает Италию, а что хорошо для Италии, сгодится для Уилтшира. Иногда король оставляет королеву с ее дамами и музыкантами у гостеприимных хозяев, а сам, прихватив ближайших друзей, уезжает на недельку поохотиться. Вот так они и оказались в Вулфхолле, где короля почтительно приняли сэр Джон Сеймур и его многочисленное семейство.

– Не знаю, Кромвель, – говорит старый сэр Джон, дружески беря его под руку. – Называть соколов именами покойниц... вас это не вгоняет в тоску?

– Я не знаю, что такое тоска, сэр Джон. Мир слишком для меня хорош.

– Вам надо снова жениться, завести еще детей. Может, найдете себе невесту, пока гостите у нас. В Севернейкском лесу много хорошеньких девиц.

– У меня есть Грегори, – говорит он, оглядываясь через плечо на сына; он постоянно немного волнуется за Грегори.

– Сыновья – это хорошо, – отвечает сэр Джон, – но мужчине нужны и дочери, они – наше утешение. Гляньте на Джейн, какая она славная.

Он послушно смотрит на Джейн Сеймур, которую хорошо знает по двору, – она была фрейлиной Екатерины, бывшей королевы, теперь исполняет ту же должность при Анне, королеве нынешней. Невзрачная бледная девица, рта не раскроет, на мужчин смотрит испуганно. Она в белом платье узорчатого атласа, расшитом мелкими гвоздиками, и жемчугах. Семья раскошелилась: даже если не считать жемчугов, наряд обошелся не меньше чем в тридцать фунтов. Немудрено, что она ступает опасливо, словно ребенок, которому велели не замарать платье.

Король говорит, беря ее мышиную лапку в свою ручищу:

– Джейн, надеюсь, дома у родных ты не будешь такой пугливой? При дворе мы от нее и слова не могли добиться.

Джейн смотрит на Генриха снизу вверх, краснеет до корней волос.

– Видали, чтобы кто-нибудь так краснел? – спрашивает Генрих. – Кроме двенадцатилетних девчушек?

– Мне не двенадцать, – отвечает Джейн.

За ужином король сидит рядом с леди Марджери, хозяйкой дома. Она в молодые годы была красавицей, а по галантному вниманию короля можно вообразить, что она красавица и сейчас. Леди Марджери родила десятерых, из них шестеро живы, трое сидят за этим столом. Эдвард Сеймур, наследник, очень хорош собой: длинное лицо, серьезные глаза, четкий выразительный профиль. Он начитан, за любое дело берется с умом и рвением, воевал, а теперь, пока нет войны, исправно отдает силы турнирам и охоте. Кардинал в свое время выделял Эдварда из других Сеймуrow, да и сам он, Томас Кромвель, согласен, что королю такие люди нужны. Том Сеймур, младший брат, шумливее, прытче, больше нравится женщинам – когда входит в комнату, девушки хихикают, а юные матроны опускают взгляд и смотрят из-под ресниц.

Старый сэр Джон – семьянин с изрядно подмоченной репутацией. Два-три года назад при дворе только и говорили, что он сношает жену старшего сына – и ладно бы один раз, в пылу страсти, так нет, постоянно, со дня замужества. Королева и ее доверенные фрейлины трубили о скандальной связи направо и налево. «Мы сосчитали, что у них это было сто двадцать раз, – со смехом говорила Анна. – По воскресеньям они воздерживались как добрые христиане, а Великим постом немного умеряли пыл». Жена-прелюбодейка родила Эдварду двух мальчиков; когда тайна выплыла на свет, тот сказал, что не может признать наследниками то ли сыновей, то ли единокровных братьев. Преступницу заперли в монастырь, где она вскоре благополучно скончалась. Теперь у Эдварда новая жена, которая держится с мужчинами холодно и не растает с кинжалом на случай, если свекор подойдет чересчур близко.

Но все забыто, все прощено. Плоть немощна. Визит короля означает, что сэр Джон больше не в опале. У старика тысяча триста акров земли, включая охотничий парк, почти вся она превращена в пастбища для овец и приносит в год по три шиллинга с акра – на двадцать пять процентов больше, чем если бы здесь по-прежнему были пашни. Овцы мелкие, черномордые, помесь английской породы с валлийской горной, мясо у них жесткое, но шерсть неплохая. По приезде король любопытствует: «Кромвель, на сколько потянет эта овца?», и он, только глянув, дает ответ: «Тридцать фунтов, сир».

Фрэнсис Уэстон, юный придворный, хмыкает:

– Мастеру Кромвелю ли не знать! Он ведь когда-то был стригалем.

Король отвечает:

– Без торговли шерстью мы бы жили беднее. Что мастер Кромвель знает ее досконально – его достоинство, не изьян.

Фрэнсис Уэстон только усмехается тайком.

Завтра Джейн Сеймур поедет охотиться с государем.

– Я думал, будут только джентльмены, – слышит он шепот Уэстона. – Королева, если узнает, рассердится.

– Вот и будь умником, – тихо говорит он, – постарайся, чтобы она не узнала.

– Мы в Вулфхолле все охотники, каких поискать, – бахвалится сэр Джон, – и мои дочери тоже. Вы думаете, Джейн робкая, но в седле она – Диана. Я не мучил моих девочек науками, всё, что нужно, им преподавал сэр Джеймс.

Священник в дальнем конце стола кивает: старый дуралей, седенький, глаза мутные.

Он, Кромвель, поворачивается к священнику:

– И танцам тоже вы их учили, сэр Джеймс? Примите мое восхищение! Я видел, как сестра Джейн, Элизабет, танцевала при дворе в паре с королем.

– Для этого у девочек был учитель, – хихикает старый Сеймур. – Учитель танцев, учитель музыки, и довольно с них. Иностранные языки им ни к чему – все равно никуда не поедут.

– Я не разделяю такой взгляд. Мои дочери учились вместе с сыном.

Иногда он говорит о них, об Энн и Грейс, умерших семь лет назад.

Том Сеймур смеется:

– Так они и на турнирном лугу упражнялись вместе с Грегори и юным мастером Сэдлером?

– За исключением этого, – улыбается он.

Эдвард Сеймур говорит:

– Многие зажиточные горожане учат дочерей грамоте и счету, чтобы они могли помогать в конторе. Я слышал, так их легче выдать в хорошую купеческую семью.

– Вообразите дочерей мастера Кромвеля, – говорит Уэстон. – Я не рискну. Думаю, они бы не усидели в конторе, зато мясницким топором бы орудовали – ого-го. От одного их вида у мужчин бы подгибались колени – и не из-за вспыхнувшей любви.

Грегори ерзает на стуле. Мальчик все время в своих мечтаниях, и не подумаешь, что слушает разговор, но сейчас голос Грегори дрожит от обиды:

– Вы оскорбляете память моих сестер, сударь, которых даже не видели. Моя сестра Грейс...

Джейн Сеймур кладет тонкие пальцы на запястье Грегори; чтобы его спасти, она отважилась привлечь к себе внимание общества:

– Я последнее время немного учила французский.

– Да неужели? – улыбается Том Сеймур.

– Меня учила Мэри Шелтон.

– Мэри Шелтон – добрая душа, – замечает король.

Он краем глаза видит, как Уэстон толкает локтем соседа. При дворе сплетничают, что Мэри Шелтон добра с королем в постели.

– Понимаете, – говорит Джейн братьям, – мы не всё время проводим за пустой болтовней и сплетнями. Хотя, видит Бог, наших пересудов хватило бы на целый город женщин.

– О чем же вы судачите? – спрашивает он, Кромвель.

– Мы обсуждаем, кто влюблен в королеву. Кто пишет ей стихи. – Джейн опускает глаза. – Я хочу сказать, кто влюблен в каждую из нас. Тот джентльмен или этот. Мы знаем наших поклонников и разбираем их по косточкам так, что они бы покраснели, если б услышали. Мы выспрашиваем, сколько у них акров и каков доход, а потом решаем, что позволим им написать нам сонет. Если поклонник недостаточно для нас богат, мы высмеиваем его стихи. Мы очень жестокие.

Он говорит, чуть настороженно, не беда, если мужчина пишет дамам стихи, даже замужним, при дворе так принято. Уэстон отвечает, спасибо на добром слове, мастер Кромвель, мы думали, вы потребуете, чтобы мы перестали.

Том Сеймур подается вперед, говорит со смехом:

– А кто твои поклонники, Джейн?

– Если хочешь узнать, ты должен надеть платье, взять вышивку и сесть с нами.

– Как Ахиллес среди женщин. Придется вам сбрить свою красивую бороду, Сеймур, и выведать их маленькие нескромные секреты. – Король смеется невеселым смехом. – Если мы не найдем кого-нибудь посвежее. Грегори, ты у нас красавчик, да боюсь, большие руки тебя выдадут.

– Внук кузнеца, – вставляет Уэстон.

– Музыкант Марк, знаете такого? – говорит король. – Вот у кого девичья внешность.

– Марк и без того всегда с нами, – отвечает Джейн. – Мы его и за мужчину-то не считаем. Если хотите узнать наши секреты, спросите Марка.

Беседа уходит в какую-то другую сторону. Он думает, Джейн никогда не бывала так разговорчива. Думает, Уэстон меня задирает, пользуясь безнаказанностью в присутствии короля. Думает, как отомстить. Рейф Сэдлер смотрит на него искоса.

– Итак, чем завтрашний день будет лучше сегодняшнего? – спрашивает его король и объясняет собравшимся: – Мастер Кромвель есть-пить не может, если чего-нибудь не улучшает.

– Для начала я займусь шляпой вашего величества – надо улучшить ее поведение. И те облака, до полудня...

– Дождичек нас остудил.

– Дай Бог вашему величеству никогда не вымокать сильнее, – говорит Эдвард Сеймур. Генрих трет обгорелый лоб.

– Кардинал верил, что может менять погоду. Утро неплохое, говаривал он, но к десяти станет еще лучше. И становилось.

Генрих иногда поминает к случаю Вулси, будто не сам, а какой-то другой монарх затравил кардинала до смерти.

– У некоторых чутье на погоду, – говорит Том Сеймур. – Вот и все. Это не привилегия кардиналов.

Генрих с улыбкой кивает:

– Верно, Том. Незачем мне было так его чтить, да?

– Для подданного он был слишком заносчив, – говорит старый сэр Джон.

Король смотрит на него, на Томаса Кромвеля. Он любил кардинала, здесь все это знают. Его лицо начисто лишено какого бы то ни было выражения, будто свежевыбеленная стена.

После ужина старый сэр Джон рассказывает об Эдгаре Миролюбивом, правившем в этих краях много веков назад, до того как королей стали нумеровать. В ту пору все девы были прекрасны, рыцари – отважны, а жизнь – проста и, как правило, коротка. Эдгар пленился некой девушкой и отправил одного из своих графов взглянуть, правда ли она так хороша лицом, как уверяют. Коварный сват написал королю, будто девица кривая и хромая, а живописцы и поэты лгут. В действительности же красавица приглянулась ему самому, так что он немедленно ее обольстил и повел под венец. Эдгар, узнав о предательстве графа, подстерег того в роще неподалеку отсюда и убил одним ударом копья.

– Каким же низким обманщиком оказался тот граф, – говорит король. – Поделом ему!

– Не сват, а свинья! – хохочет Том Сеймур.

Другой брат вздыхает, показывая, что не одобряет таких слов.

– А что сказала дама, узнав о гибели мужа? – спрашивает он, Кромвель.

– Дама вышла за Эдгара, – отвечает сэр Джон. – Они поженились в зеленом лесу и жили долго и счастливо.

– Что ей еще оставалось? – вздыхает леди Марджери. – Женщины должны покоряться судьбе.

– А в народе говорят, – добавляет сэр Джон, – что коварный граф все еще бродит по лесам, стонет и силится вытащить из живота копьё.

– Только представить, – говорит Джейн Сеймур. – Лунной ночью выглянешь в окошко и увидишь, как он тянет за древко и сетует. Хорошо, что я не верю в привидений.

– А зря, сестрица, – отвечает Том Сеймур. – Вот как они к тебе подкрадутся и схватят!

– И все же... – Генрих делает движение, будто бросает копьё – правда, за столом как следует не размахнешься. – Одним ударом. Видать, славный был копейщик, этот король Эдгар.

Он говорит – он, Кромвель:

– Хотел бы я знать, записана эта история, и если да, то кем, и был ли тот человек под присягой.

– Кромвель заставил бы графа ответить перед судом присяжных, – с улыбкой произносит король.

– Бог с вами, ваше величество, – смеется сэр Джон, – тогда и присяжных-то не было.

– Кромвель бы нашел. – Юный Уэстон подается вперед, чтобы прозвучало весомее. – Он бы выкопал присяжных из-под земли, и уж они бы признали графа виновным, отправили его на плаху. Говорят, когда судили Томаса Мора, наш королевский секретарь вошел с присяжными в комнату для совещаний, а когда они сели, притворил за собой дверь и объявил закон. «Позвольте избавить вас от сомнений, – были его слова. – Ваше дело признать сэра Томаса виновным, и пока не объявите этот вердикт, обеда не получите». Потом он вышел, снова закрыл дверь и встал перед ней с топором, на случай если присяжные станут прорываться на поиски вареного пудинга. Как истые лондонцы, те больше всего пеклись о своем брюхе и, как только услышали его бурчание, завопили: “Виновен! Виновнее не бывает!”»

Все смотрят на него, на Кромвеля. Рейф Сэдлер говорит хрипло:

– История красивая, но теперь я, в свой черед, спрошу: где она записана? Уверяю вас, мой господин всегда честен в судейских делах.

– Вас там не было, – отвечает Уэстон, – а я эту историю слышал от одного из присяжных. Они кричали: «Скорей, скорей, уведите предателя, а нам подайте баранью ногу!» И Томаса Мора увели на казнь.

– Вы так говорите, будто жалеете, – замечает Рейф.

– Я? Ничуть! – Уэстон вскидывает руки. – Королева Анна говорила, пусть смерть Мора послужит уроком другим предателям. Как бы велики ни были заслуги, как бы ни завуалирована измена, Томас Кромвель выведет злодеев на чистую воду.

Одобрительный гул; такое чувство, что сейчас собравшиеся устроят Кромвелю овацию. Тут леди Марджери подносит палец к губам и указывает глазами на короля во главе стола. Генрих начал заваливаться вправо, опущенные веки подрагивают, дыхание мерно и глубоко.

Сидящие обмениваются улыбками.

– Опьянел от свежего воздуха, – шепчет Том Сеймур.

От воздуха пьянеть не зазорно, иное дело от вина: нынче король требует кувшин с хмельным напитком куда чаще, чем в прежние дни, когда был молод и строен. Он, Кромвель, смотрит, как Генрих наклоняется в кресле. Сперва вперед, словно хочет лечь головой на стол, потом вздрагивает, выпрямляется рывком. По бороде тонкой струйкой течет слюна.

Эх, нет здесь Гарри Норриса, главного из королевских джентльменов – вот кто сумел бы неслышной походкой приблизиться к государю, разбудить того легким касанием, тихой